

Все эти, и общие и частные, замечания продиктованы уверенностью, что они понадобятся при новом переиздании этой нужной книги.

Проф. П. Н. Тарков

ЛАТИНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ. Составили *И. Х. Дворецкий* и *Д. Н. Корольков*, под общей редакцией чл.-корр. АН СССР *С. И. Соболевского*. М., 1949, 950 стр., цена 32 руб. 50 коп., тираж 10 000 экз.

Рецензируемая книга является первым фундаментальным трудом на данном участке культурного строительства за долгие годы. Самый факт появления подобной книги почти в 1000 страниц и размером почти in folio, посвященной языковой культуре древнего Рима, является в высшей степени отрадным и показательным.

Объем и количество материала выгодно отличают данный словарь от дореволюционных изданий латинско-русских словарей, например, Кронеберга, Петрученко, Шульца, не говоря уже о недавнем издании словаря Малинина. Отбор и подача материала, т. е. качество его, стоят на уровне научных требований к подобного рода изданиям. Так, например, весьма ценным является дифференциация лексических форм, когда отдельными единицами-статьями даются не только гнездовые слова, но и некоторые производные от них.

Подбор фразеологического материала интересен и сравнительно богат, причем опирается, главным образом, на представителей «золотого века» латинского языка, т. е. периода расцвета римской языковой культуры. Уделено также некоторое внимание латинскому фольклору в виде пословиц и поговорок. Щедро расспаны сведения из римской мифологии. Данные из античной истории, культуры и быта интересны и встречаются часто. Переводы латинских фразеологических текстов на русский язык обильны и чаще всего правильны и по лексике, и по стилю.

Все это делает словарь хорошим пособием для советских людей, овладевающих высотами науки и успешно строящих коммунизм «...из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества» (Л е н и н), в том числе и античного.

Тем не менее «ubi uber, ibi tuber» в литературном смысловом переводе — «где роза, там и шипы», как говорит латинская поговорка, приводимая и рецензируемым словарем (стр. 892, 897). И этот словарь нуждается в ряде методологических, методических и технических замечаний. Нам думается, что эти замечания имеют значение для возможного в будущем повторного издания рецензируемого словаря или других, подобных ему.

Прежде всего насчет «полноты» материала и тесно связанных с нею семантики и этимологии. Авторы говорят в предисловии, что их «словарь отличается от других латинско-русских словарей, вышедших у нас раньше, прежде всего своим объемом и полнотой». Это верно лишь отчасти, по отношению к таким словарям, как словарь Петрученко и другие, указанные нами выше. Что же касается, например, такого издания, как «Латинско-русский словарь» Ананьева, то оно, пожалуй, поспорит с настоящим насчет полноты и объема лексики и фразеологии. Для примера укажем: в словаре Дворецкого и Королькова нет слов «mástico, āre — жую»; «masticatio, ōnis — жевание», встречающееся у Апулея, имя которого приводят авторы в числе источников латинской лексики; нет «manticularius, ii; manticulātor, ōnis — мошенник» (встречаются у Теренция, Пакувия); нет «materialis, e — материальный», что важно для этимологии соответствующего русского слова; нет «matresco, ēre — делаться матерью» — слова, сложившегося уже за несколько веков до нашей эры; нет — «matriciāla, ae — список, матрикул» — слова, приводимого Кодексом Юстиниана, который является предметом изучения в некоторых вузах; нет «maximitas, ātis — величина», а оно важно хотя бы и потому, что встречается у представителя античного материализма Лукреция и го-

ворит о степени глубины отвлеченного мышления; нет «*meātīm* — по-моему» — слова, нужного по своей обиходности; нет «*mechanēma, ātis* — искусственная вещь» — слова с определенным социально-производственным содержанием; нет «*medens, ntis* — лечащий врач» — слова, встречающегося еще у Лукреция, Овидия, Тацита. Мы совершенно случайно, без какого-либо выбора, взяли несколько примеров на букву «М». Утверждаем, что та же картина относительной полноты и во всех других местах. Следовательно, рецензируемый нами словарь далеко не исключает необходимости в наличии на руках у интересующихся латинским языком и других словарей, в том числе и изданных раньше.

О полноте фразеологического материала к отдельным статьям, о комментариях, о переводах. Возьмем несколько примеров на ту же букву «М». Вот словарная единица-статья: «*materius, a, um* [*mater*] — материнский (*genus, nomen*); с материнской стороны (*avus*)». Это — все. Поразительная бедность. Не повезло и коренному, гнездовому слову «*mater, matris* — мать»: здесь дано всего лишь 6 строчек — 3 смысловых значения. Ни в статье «*mater*», ни в «*almus, a, um*» не указано крылатое выражение, бытующее и сейчас в нашем языке: «*alma mater* — «мать-кормилица» (высшая школа). А ведь это выражение встречается у Лукреция.

Возьмем слово «*materia, ae*». Конечно, оно по своему общественному звучанию, по своему удельному весу для нас заслуживает того, чтобы его разработать, как говорят, «*lege artis*». Авторы дают 11 значений этого слова, но все же они еще далеки от полноты: нет понятий: «запас», «основа», «приплод», «побуждение», «случай», «земляная смола», «ветви», «имущество», «достаток». Главное же это то, что к данному слову приведена бедная фразеология: к значению «горючий материал» совсем нет примера; к другим значениям по одному, два слова.

Или: «*maxilla, ae* — челюсть». Следовало бы уточнить, в соответствии с требованиями анатомии, что это — «верхняя челюсть». «*Matella, ae* [*demin.* к *matula*] — горшок». Раз это уменьшительное имя, так и перевод надо бы дать — «горшочек».

Указанную неполноту едва ли можно объяснить экономией места, так как в других случаях авторы излишне расходуют его. Так, отдельной статьей дано слово «*materies, ēi*» без всякого перевода, и оно же дано как разночтение в статье «*materia, ae*». Отдельными статьями даны без переводов слова «*matāris*» и «*matēris*», хотя их с успехом можно бы поместить, как разночтения, в статью «*matāra, ae*», где дан и перевод.

Таких примеров можно найти очень много на протяжении всей книги. Значит, неполнота подачи материала во многих случаях объясняется или недостаточно продуманной методологией, или недосмотром. Это снижает ценность словаря, суживает наши возможности понимания, осмысления фактов античной культуры.

Вот почему мы считаем недостатком словаря, что, например, о слове «*mateōia, ae*» сказано только — «род молота». Глухо, формально, по-казенному. А между тем это был молот для трамбования земли, т. е. то, что на профессиональном языке у нас называется «бабка». Потому-то нас не удовлетворяет и статья — «*diabētes, ae, m* (греч.) — водоподъемная трубка, сифон». Следовало бы здесь привести греческое «*διὰβήτης*» — «циркуль, отвес», происходящий от глагола «*διβαίνω*». И тогда в статье можно бы дать и другое часто встречающееся значение слова: «диабет — сахарная болезнь», восходящее к тому же «*διβαίνω*».

Недостаточно ярко раскрыта этимология и слова «подагра». Очень хорошо, ценно то, что авторы говорят: «*podāgra, ae, f.* (греч.) подагра (только в ногах)». Ссылкой «греч.» авторы ориентируют читателя. Но в то же время эта ссылка бледна и бедна. В данном случае следовало добавить: «греч. *ποδάγρα* — петля для ног, сеть, силос, западня (*πούς* нога + *ἄγρα* — ловля, охота, добыча)». И это, нам думается, гораздо важнее и интереснее, чем указание словаря здесь же, почти рядом со словом «*podāgra*», что «*Podalirius*» — брат Махаона.

Несколько случаев досадной неточности в переводах, в толкованиях. В статье «*vivum, i*» авторы дают поговорку — «*ad vivum resecāre* — рассечь до живого мяса, очень глубоко» и пояснение: «т. е. понимать, толковать дословно». Понятия «глубоко,

и «дословно» не совпадают. Статья: «metaxa, ae — волокно». Что за волокно? Разве нельзя было дать к этому слову пояснение — «грубое шелковое волокно» (в этом значении оно и применяется в Дигестах и в Кодексе Юстиниана), иногда — «веревка», — и соединить с ним статью — «mataxa, ae (греч.) канат»? Однако ни «канат» для «mataxa», ни «волокно» для «metaxa» не являются хорошими переводами. «Канат» — прежде всего «funis», а «волокно» — «fibra». Таким образом, мы стоим за насыщенность, в меру возможности, словаря этимологическими моментами и за более четкую подачу синонимов.

Серьезным недочетом словаря, на наш взгляд, является и то, что среди фразеологического материала почти нельзя встретить и латинских пословиц, крылатых и технических выражений весьма широкого обихода, ставших неотъемлемой тканью любого европейского языка и нашедших почетное место в трудах классиков марксизма-ленинизма, в творчестве А. С. Пушкина и в трудах многих других великих людей. Для примера: «nota bene», «vice versa», «mutātis mutandis», «post scriptum», «ultima Thule»; «dixi et animam levāvi»; «ex ungue leonem»; «sed alia tempora» и мн. др.

Серьезным недостатком словаря считаем мы и то, что среди фразеологического материала мало афоризмов патриотического содержания. И если, например, «Dulce et decorum est pro patria mori» — «Приятно и почетно умереть за родину» — мы в словаре найдем (стр. 257), то нет афоризма «Et fumus patriae dulcis est» — «И дым отечества сладок».

Вызывает возражение чрезмерное пристрастие авторов к генеалогии античных богов и героев. Для чего, например, указывать, что «Daunus... сын Пилумна и Данап, отец (или предок) Турна»? Иногда в словаре делаются глухие, неясные ссылки на ботанические или зоологические термины. Пример: «cuci, indecl., пальмовидное дерево (предполож. Nurphaene coriacea, Gaertn.)» (стр. 241). Что означают последние три слова? Перевод не указан. В статье «acanthus» указано: «(предполож. Asacia vera, Willd. или Mimosa nilotica L.)». Слова «Asacia», «Mimosa», «nilotica» отдельными статьями нигде не даны. «Willd. и» L.» в списке сокращений также не указаны.

Не всегда в словаре расставлены знаки долготы и краткости. Не указаны они в фразеологических текстах, т. е. фразах-примерах на употребление тех или других основных, исходных слов-единиц. Нет их также в слове «samaga» или «samega» и некоторых других.

Наконец, необходим и перечень ошибок и опечаток. К счастью, последних, кажется, мало — и это достоинство словаря. Однако, вероятно, ошибочно даны написания «accipitio» (вм. «occipitio») — стр. 381; «вино рада» (вм. «винограда») — стр. 498; или пропущено «gerundivum» «при наличии «gerundium»; нет «periphrasticus» при наличии «periphrasis» и т. д. и т. п.

О внешней стороне. Хотелось бы, чтобы исходные гнездовые слова были напечатаны более крупным шрифтом, чем последующий материал. Это элементарное методическое требование, к сожалению, не вполне выдержано в рецензируемом издании. Наконец, цена — 32 р. 50 к., — думается, чрезмерно высока.

Все же, несмотря на указанные недостатки, следует признать, что И. Х. Дворецкий и Д. Н. Корольков сделали большое и полезное дело, создав первый советский обстоятельный и подробный латинско-русский словарь.

М. Имиенин